

Страницы
утрачены

Брось псамъ его, чтобъ вновь не повторилъ
Словъ полныхъ лжи и низкаго коварства!
Клеветь свѣтлѣйшаго, не другъ ты мнѣ, а врагъ!
(Грозитъ шпагой).

Я знаю васъ давно, давно васъ разгадалъ,
Герои подлостей, прихожихъ, будуаровъ!
Вамъ, какъ бѣльмо, въ глазу стоитъ великій князь,
Бойтесь его вы непреклонной воли,
Не любите онъ льстецовъ, коварства и интригъ,
(Входитъ Нелидова.)

Въ немъ угнетенные заступника находятъ....

О, еслибъ только власть была моя,—
Какъ соръ негодный, вымелъ васъ отсюда!
(Замахивается шпагой надъ головою Панина.)

Вонъ, вонъ отсюда, если жизнь
Еще тебѣ совѣмъ не надоѣла!
(Панинъ закрываетъ въ страхъ голову руками.)

ЯВЛЕНІЕ 3-Е.

Тѣ-же и ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА.

НЕЛИДОВА (бросаясь къ Павлу, со сложенными на груди руками становится между Цесаревичемъ и Панинымъ).

О, Цесаревичъ, умоляю, успокойтесь,
Ради любви къ супругѣ и ко мнѣ!
(Панину повелительно.)

Ступайте, Цесаревичъ васъ прощаетъ!

ПАНИНЪ (быстро встаетъ. Въ сторону).

Люби ко мнѣ!?
Немного словъ, но смысла много въ нихъ!
Свѣтлѣйшему я доложу подробно.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-Е.

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ и НЕЛИДОВА.

Перва они разговариваютъ стоя, потомъ идутъ на лѣво и садятся у окна.

НЕЛИДОВА.

О, Цесаревичъ, я дрожу отъ страха!
Что вы надѣлали горячностью своей?
Вы руку подняли и обнажили шпагу!

Вы намъ клялись быть сдержаннымъ, холоднымъ,
Невозмутимымъ, твердымъ, какъ гранитъ,
А между тѣмъ, забыли свою клятву,
Убийства во дворцѣ чуть-чуть не совершили,
При первой же неловкости глупца!

ЦЕСАРЕВИЧЪ.

Неловкости глупца? Да еслибы вы знали,
Чѣмъ онъ сѣумѣлъ всю душу возмутить,—
Навѣрное, меня вы оправдали.
Ошибка сдѣлалъ я, оставивъ жизнь ему.

НЕЛИДОВА.

Но что-же сдѣлалъ онъ?

ЦЕСАРЕВИЧЪ.

Что сдѣлалъ онъ? Все, чтобъ меня заставить
Глубоко презирать весь этотъ гордый дворъ,
Всѣхъ этихъ пресмыкающихся гадинъ,
Которыя подъ пышною одеждой
И льстивою наружностью вельможъ—
Скрываютъ только подлость и измѣну!
Онъ, Панинъ, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ,
Осмѣлился наслѣднику престола
Ужасное злодѣйство предлагать!

НЕЛИДОВА (*съ трепетомъ*).

Пугаете меня вы, Цесаревичъ! Расскажите,
Что здѣсь случилось недавно, безъ меня?

ЦЕСАРЕВИЧЪ.

Онъ увѣрялъ, что тронъ и власть мои,
Что долженъ я изъ рукъ Екатерины
Самодержавіе немедленно отнять
И императорской короною вѣнчаться!

НЕЛИДОВА (*въ испугѣ*).

А вы, что отвѣчали вы?—
Вѣдь Панинъ былъ подосланъ къ вамъ врагами!

ЦЕСАРЕВИЧЪ (*гордо*).

Я? Мой отвѣтъ вы слышали недавно.

Сыновнихъ чувствъ не въ силахъ обуздать,
Я все забылъ: всё клятвы, обѣщанья
Быть сдержаннымъ, холоднымъ, какъ гранитъ,
Забылъ, что я великій князь, наслѣдникъ,
И чуть не сдѣлался судьбою, палачемъ!
Я помнилъ лишь одно, что мать мою родную,
Презрѣнный рабъ смѣлъ дерзко порицать,
Смѣлъ думать, что коварными рѣчами,
Картиною величія и славы
Онъ умъ и сердце сына соблазнить,
Противъ интригъ времящиковъ бездушныхъ
Заставитъ возмутиться и возстать,
Коварной лестью вырветъ съ устъ признанье,
Что власти жажду я, чтобы отмстить за гнѣтъ,
За униженіе, за все пережитое,
За передуманное съ юношескихъ лѣтъ!

НЕЛИДОВА. (*Подумавъ*).

Да, правы вы. Могли вы возмутиться
Подобной низостью и подлостью враговъ.
Но увлекаться такъ и собственной рукою
Наказывать,—не слѣдовало вамъ:
Его пусть судить мать—Императрица.
Къ ней, къ ней спѣшите, Цесаревичъ!
Откройте сердце, душу, помыслы свои,
Пусть любящаго сына въ васъ увидитъ,
А не холоднаго Наслѣдника престола,
Который съ нетерпѣньемъ смерти ждетъ,
Чтобъ завладѣть и властію, и трономъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ.

Да развѣ вы не знаете, что я,
Какъ въ заколдованномъ, вражескомъ кругу?

(*Съ глубокой грустью.*)

Ласкъ матери я съ дѣтства не знавалъ
И видѣлъ въ ней всегда Императрицу.
Со всѣми ласковая, нѣжная,—она
Со мной была сурово-неприступна.
О, сколько разъ уста мои шептали
Слова любви, я сердцемъ къ ней рвался,
И, какъ нѣмой, стоялъ я передъ нею.

Мгновенья были,—жизнь свою и душу
Я отдалъ бы за кроткій взглядъ одинъ,
За ласковый привѣтъ, за нѣжное участие,
За позволенье пасть къ ея ногамъ,
Сказать при всѣхъ: „О, Царственная Мать,
Какъ я люблю тебя глубоко, безгранично!
Дозволь мнѣ быть твоимъ слугой, работою....
Но этихъ словъ я высказать не могъ!
Со всѣми смѣлѣй, я робѣлъ предъ нею.
Ея холодный взглядъ мой сковывалъ языкъ,
И на устахъ всѣ рѣчи замирали.
Какъ въ лихорадкѣ трясся передъ нею,
Блѣднѣлъ, краснѣлъ и, робостью томимый,
Я самому себѣ, нетолько-что другимъ,
Казался трусомъ, жалкимъ до смѣшнаго.

(Грустно опускаетъ голову. Нѣсколько мгновеній молчанія.)

НЕЛИДОВА *(съ участіемъ, взявъ Павла за руки).*
Не унывайте, Князь, потомство васъ оцѣнитъ!
Не трусость краснорѣчія лишаетъ,—
Нѣтъ, а сознаніе, что не хотятъ повяты
Въ васъ чувствъ возвышенныхъ, высокаго ума.
Цари и властители народовъ—
Стоять надъ міромъ, какъ колоссы,
И, въ царственномъ величій своемъ,
Все глубже чувствуютъ, яснѣй все понимаютъ.
Вотъ вы къ чему готовиться должны,
Чтобъ быть на высотѣ призванья, Цесаревичъ.
Такъ, прочь же малодушіе! Оно
Ни сана вашего, ни сердца недостойно.

ЦЕСАРЕВИЧЪ *(беретъ и нѣжно цѣлуетъ руку Нелидовой. Въ дверяхъ показываются камеръ-лакей и, сзади его, князь Вяземскій, которые, увидавъ нѣжную сцену, обмѣниваются между собою знаками и скрываются, насмѣшливо улыбаясь).*

Благодарю! Вы—ангелъ мой хранитель,
И будьте имъ для Павла навсегда!
Безъ васъ, давно-бъ водоворотъ интригъ
Умчалъ меня и погубилъ безслѣдно.

НЕЛИДОВА.

Свѣтницей охотно вашей буду.

Но помните: терпѣнья. Цесаревичъ,
И самообладанья нужно вамъ!

ЦЕСАРЕВИЧЪ (*съ горькой усмѣшкой*).

Да, въ нихъ нуждаюсь я, вы правы.
Всю жизнь мою безжалостно разбили,
Всю исковеркали. Зачѣмъ и для чего?
Не знаю я, не знаютъ и другіе.
Припомните, я страстно васъ любилъ
Любовью бѣшенной и жгучею, какъ пламя.
Мечталъ назвать женою, но, увы!
Стѣной межъ нами призраки возстали
Величія, политики и долга.
Въ угоду имъ, мы въ жертву принесли
Любовь святую, счастье цѣлой жизни
И сдѣлались чужими навсегда.

НЕЛИДОВА (*съ тоской*).

Къ чему напоминать бывшее? Не вернется!
Едва зажившія зачѣмъ тревожить раны?

ЦЕСАРЕВИЧЪ (*вскакивая*).

Зачѣмъ? Затѣмъ, что эта боль мила!
Затѣмъ, что позабыть напрасно я стараюсь
Минувшихъ чувствъ завѣтныя мечты!
Затѣмъ, что ревностью безумной я сгораю!
Затѣмъ, что я не камень,— человекъ!

НЕЛИДОВА (*кротко*).

Мужъ и отецъ, прибавьте, Цесаревичъ!
Я не могла быть вашею женою,—
Любовницей не буду никогда!

(*Дѣлаетъ надъ собою усиліе*).

Всезнающій въ душѣ моей читаетъ
И видитъ помыслы, сокрытые отъ всѣхъ!
Такъ слушайте же клятву, Цесаревичъ!
Я васъ люблю, какъ и тогда любила,
Любовью чистой, искренной, святой...
Руки другому я и сердца не отдамъ,
Ни чьей женою, клянуся, я не буду!
Я стану охранять семейный вашъ очагъ,
Какъ другъ, сестра для васъ и цесаревны,

Но съ этихъ поръ ни слова про любовь:
Все умерло бывшее между нами!
(*Входитъ вардейскій капитанъ, ставитъ часовыхъ къ дверямъ и затѣмъ подходитъ къ Цесаревичу*).

ЯВЛЕНІЕ 5-Е.

Тѣ же и КАПИТАНЪ.

КАПИТАНЪ (*почтительно*).

Ваше Высочество! позвольте валу шпагу.
ЦЕСАРЕВИЧЪ (*вскакивая, хватается за ефесъ шпаги*).
Тебѣ отдамъ я шпагу? Никогда!
Какъ смѣлъ подумать ты, холопъ презрѣнный,
Арестовать наследника престола?
Убить меня ты можешь. На!...

(*Быстро обнажаетъ грудь*.)

Вотъ грудь моя раскрыта, беззащитна—
Что-жъ ты стоишь? Бери же жизнь мою!
Но шпагу я отдамъ одной императрицѣ!

КАПИТАНЪ (*съ смущеніем*).

Ваше Высочество! Вы знаете, солдатъ—
Орудіе слѣбное высшей воли.

Приказано мнѣ васъ арестовать,
И, именемъ ея Величества, Самодержавной
Великой Государыни, Императрицы,
Я арестую васъ, вы плѣнникъ мой,
И васъ отсюда я на шагъ пустить не смѣю!

ЦЕСАРЕВИЧЪ (*быстро дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*).

Такъ удержи меня ты силою, холопъ!
Посмотримъ, чья рука осмѣлится дерзнуть
Дорогу преградить наследнику престола,
И кто посмѣетъ встать межъ матерью и сыномъ?

(*Капитанъ заступаетъ дорогу, Цесаревичъ отстраняетъ его рукой*).

Съ дороги прочь! Дорогу дайте Павлу!

[*Проходитъ съ гордо-поднятой головой. Часовые, которые сначала стояли у дверей, скрестивъ ружья, при послѣднихъ словахъ Павла, отдаютъ ему честь и пропускаютъ его безъ препятствія. Капитанъ сначала стоитъ въ раздумьи, потомъ идетъ, снимаетъ часовыхъ и вмѣстѣ съ ними поспѣшно уходитъ*].

Я В Л Е Н І Е 6 - Е.

НЕЛИДОВА (*нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Цесаревичъ и гвардейскій капитанъ съ солдатами ушли, стоитъ въ глубокомъ отчаяннѣи, ломая руки, потомъ бессильно опускается на кресло и голосомъ, задушаемымъ сдержанными рыданіями*):

О, Господи, пошли ему терпѣнья,
Духъ кротости вложи царицѣ въ душу,
Да не забудетъ въ гнѣвѣ, что она
Не только государыня,—а мать!
Не знаю я, въ чемъ виноватъ, чѣмъ вызвалъ
Такое обращенье Цесаревичъ,
Но чувствую, глубоко понимаю,
Что жертва онъ интригъ временщиковъ!

Я В Л Е Н І Е 7-Е.

НЕЛИДОВА, КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ и затѣмъ князь РАДЗИ-
ВИЛЛЪ. КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ (*въ дверяхъ*).

Князь Радзивиллъ

Ея Высочеству представиться желаетъ.

НЕЛИДОВА (*не обращая вниманія и не видя камеръ-лакея*).

Въ такое время. . . Боже, научи,
Что дѣлать мнѣ? Сказать-ли цесаревнѣ,
Иль скрыть случившееся? Бѣдная, она
Готовится быть матерью. Ужасно
Ее арестъ супруга поразить
И можетъ повести къ концу печальному!
Что дѣлать мнѣ, что дѣлать мнѣ? О, Боже!
(*Въ отчаяннѣи ломаетъ руки.*)

КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ.

Князь ждетъ отвѣта, что ему сказать?

НЕЛИДОВА (*не замѣчая камеръ-лакея, рѣшительно*).

Молчать, все скрыть, быть можетъ, обойдется,
И все окажется тревогою пустой!

РАДЗИВИЛЛЪ (*быстро входитъ, камеръ-лакей, при видѣ ея, удаляется. Трубецкой подходитъ къ Нелидовой, погруженной въ глубокую задумчивость, и нѣсколько миновеній смотритъ на нее съ любовью*).

Я гость не въ-время? Неправда-ли, не ждали?

НЕЛИДОВА (*вздраивая, въ смущеніи*).

Да, князь!

РАДЗИВИЛЛЪ.

Мнѣ слышать вашъ отвѣтъ и грустно, и обидно!
Съ надеждою сюда не шелъ я, а летѣлъ.
Мечты мнѣ образъ вашъ прекрасный рисовали;
Я думалъ, что когда, оставшись глазъ-на-глазъ
Все выскажу, какъ страстно и безумно
Я васъ люблю, съ минуты первой встрѣчи,
Вы, милостиво выслушавъ меня,
Не оттолкнете преданнаго сердца,
А между тѣмъ, холодная, какъ мраморъ,
Вы даже не глядите на меня!
За что вы сердитесь? Да развѣ преступленье
Моя любовь?

НЕЛИДОВА (*въ смущеніи*).

Я не сержусь, напротивъ, я спокойна.
Что полюбили вы, нѣтъ въ этомъ преступленья;
Но если ваше чувство такъ ко мнѣ сильно,
Какъ говорите вы, то умоляю, князь,
Не мучайте себя, отдайте мнѣ свободу
И откажитесь назвать меня своей:
Я добровольно вашу не буду,
Роднымъ въ угоду, руку не отдамъ!

РАДЗИВИЛЛЪ.

Чѣмъ заслужилъ такое отвращенье,
Въ отвѣтъ на чувство пылкое мое?

НЕЛИДОВА (*холодно*).

Спросите тѣхъ, чьей помощи искали,
Чтобъ противъ воли мною овладѣть.

РАДЗИВИЛЛЪ.

Ошибка то была, что не у васъ я прежде,
А у родныхъ просилъ вашей руки,
Теперь же, имя знатное, богатство,
Почетъ и страстную любовь
Кладу къ ногамъ я вашимъ, умоляя,
(*Становится на одно колено.*)

Не отвергать ни сердца, ни руки,
Въ счастливый домъ вы вступите царицей!
Ему завидуютъ. Не смѣйтесь, это такъ!
Мой родъ богатъ и знатенъ, и могучъ.
Онъ близокъ къ трону. Мной повелѣвая,
Вы будете и Литвой повелѣвать.

НЕЛИДОВА (*холодно*).

Отъ этого могущества и власти
Отказываюсь я. Князь, я васъ не люблю!

РАДЗИВИЛЛЪ (*вскакивая и славывая Нелидову за руку съ бѣшенствомъ*).

Все ясно мнѣ! Вы любите другаго?
(*Нелидова вздрагиваетъ.*)

Но я не потерплю соперника, клянусь!
Васъ слишкомъ страстно я и искренно люблю,
Чтобъ равнодушно видѣть, какъ другой
Васъ поведетъ къ подножью алтаря
И назоветъ женою передъ всѣми;
Какъ дерзкими руками онъ обниметъ
Вашъ пышный станъ и къ сердцу привлечетъ;
Какъ поцѣлуй сорветъ, напечатывая страстно
Слова любви.... о, нѣтъ, я не отдамъ,
Я не отдамъ, безъ боя, васъ другому!
Ктобъ ни былъ онъ, клянуся прахомъ предковъ,
Могилой матери и честью Радзивилловъ,
Ему врагомъ смертельнымъ буду я!
Кто-бъ ни былъ онъ: или обѣдникъ презрѣнный,
Или увѣнчанный короною монархъ,—
Местъ Радзивилла—дерзкаго отыщеть
Въ пыли, въ сору и на ступеняхъ трона!

НЕЛИДОВА (*въ волненіи*).

Князь, заклинаю васъ!...

РАДЗИВИЛЛЪ.

Напрасны всѣ мольбы! Не требуйте пощады!
Не требуйте, чтобъ вырвалъ я любовь,
Всю душу охватившую пожаромъ!
Нѣтъ силы и не можетъ быть такой,
Которая могла заставить Радзивилла

Невѣсту уступить другому добровольно!
Повѣрите мнѣ, скорѣй померкнетъ солнце,
День обратится въ ночь, — чѣмъ я
Блаженствовать сопернику дозволю:
Моей не будете, — не будете ничьей!

НЕЛИДОВА (*вставъ и выпрямившись, гордо.*)
Ничьей, какъ Богъ велитъ, а вапей — никогда!

РАДЗИВИЛЛЪ (*упавшимъ голосомъ, съ мольбой.*)
Хоть тѣнь надежды мнѣ оставьте, Катерина!

НЕЛИДОВА (*гордо.*)

Вы поклялися честью Радзивилла,
Нелидовой вамъ слово я даю:
Все кончено отнынѣ между нами!
Я мести Радзивилловъ не боюсь,
За золото и власть, любви не продаю!
Надѣюсь, что меня оставите въ покоѣ?

РАДЗИВИЛЛЪ (*клянясь.*)

Князь Радзивиллъ всегда вельможей былъ
И къ женщипамъ питаетъ уваженъе.
(*Клянется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-Е.

НЕЛИДОВА (*сначала стоитъ.*)

О бѣдный, бѣдный Песаревичъ! Сколько ты
Обидь и униженъя переносишь.
(*Садится.*)

Но то, что ты переживаешь, вѣрь, ничто,
Въ сравненіи съ моимъ гнетущимъ горемъ!
(*Послѣ раздумья.*)

Любить и любящее сердце оттолкнуть,
Чтобъ не стоять разлучницей супруговъ!
Повѣренною быть жены и слушать
Съ утра до вечера восторженныя рѣчи
Тому, кого сама безумно любишь...
О, мукъ такихъ па свѣтѣ не сыскать,
Которыя могли-бъ утишить муки сердца,
Разбитаго, подобно моему!
Бѣжать? Куда? Зачѣмъ? Гдѣ этотъ уголокъ,

Гдѣ позабуду я любовь свою и Павла?
Его оставить? Нѣтъ, онъ безъ меня погибъ!
Ему щитомъ я буду и рабою.
Молиться? Я молиться не могу—
Не скорбный ликъ Спасителя я вижу;
А онъ, все онъ стоитъ передо мной;
Холодные уста начнутъ шептать молитву,
А сердце имя Павла повторлетъ!

(Подходитъ къ окну и стоитъ сложивъ руки, какъ на молитву.)

Всеобновляющая, вѣчная природа
И Ты, Творецъ, зиждитель мірозданья!
Вы, послѣ зимняго томительнаго сна,
Вновь землю одѣваете цвѣтами;
Все что засохло осенью, опять
Живетъ, цвѣтетъ и снова зеленѣетъ...
О, обновите же страдающую душу!
Пусть прошлое забудется, какъ сонъ,
Пусть уничтожится, исчезнетъ, разлетится,
Не будетъ тѣмъ, чѣмъ было... Пусть душа
Проснется свѣжею, избавленной отъ горя!

(Постъ раздумья.)

Недавно я стояла у окна и думала;
А тамъ *(показываетъ въ окно)* ревѣла грозно бури.
Вдругъ надо мной, какъ будто рухнулъ міръ,
Все съ грохотомъ и трескомъ застонало.
То повалился кедръ, разбитый грозной бурей.
Въ паденіи своемъ, онъ статую сломалъ,
Изображеніе божественной Венеры.
Казалось мнѣ, что я схожу съ ума,
Что видѣла я сонъ тяжелый и ужасный;
Но то не сонъ былъ. О, зачѣмъ не я
Стояла тамъ, гдѣ мраморъ былъ бездушный!
Зачѣмъ небесный громъ не раздробилъ меня,
А статую божественной Венеры!

(Молчаніе.)

О, Павелъ! Я въ безуміи сказала: „Забудь любовь!“
Забуть! Да развѣ есть забвеніе на свѣтѣ?

(Молчаніе.)

Я чувствую, придетъ пора,—когда, не знаю:
Сегодня, завтра, ночью, днемъ, но я.....

Я буду у тебя, паду передъ тобою,
И ты, ты защитишь огъ демоновъ меня,
Которые гоняются повсюду—
То демонъ ревности и демонъ сожалѣнья.

(Молчаніе.)

О, еслибъ я могла взбѣжать на ту скалу
И, бросившись съ нея, разбиться иплью, прахомъ!
Но совѣсть, совѣсть... Кто ее намъ даль?
Зачѣмъ? На что? Какъ уснить ее?

(Молчаніе.)

Хитро устроены міры! Мы видимъ все, все знаемъ...
Нѣтъ, нѣтъ, не все. Что будетъ съ нами тамъ,
Того никто не знаетъ! Страшно пробужденье...
Что ждетъ на утро, послѣ смерти сна,
Кто скажетъ мнѣ... покой или страданье?

(Молчаніе.)

Когда услышишь ты тревожный, Павелъ, звонъ,
То будетъ мой, мой похоронный звонъ!
То перестало биться любящее сердце,
Найдя въ могилѣ прошлому забвенье.
А если въ полночь кто тихонько стукнетъ въ дверь,
Такъ знай, то нищее, покинутое сердце
Къ тебѣ пришло за подаяньемъ. Вѣрь, оно
Богато было и могло бы быть богатымъ,
Но умерло, зарыто глубоко... да, глубоко...
Поденьщика безжалостной рукою!

(Испуганно хватается за косякъ окна.)

Но, Боже, что со мной? Да я тону, тону!

Я въ озерѣ... Спасите!.. Погибаю!..

(Падаеть въ обморокъ.)

конецъ 1-го акта.

Дѣйствіе 2-е.

Картина 2-я.

(Сцена представляетъ кабинетъ императрицы Екатерины II, въ Царскомъ-Селѣ. На-право письменный столъ, заваленный бумагами, въ строгомъ порядкѣ, передъ столомъ кресло).

ЯВЛЕНІЕ 1-Е.

Екатерина II-я и Марья Савишна Перекусихина, приближенная къ императрицѣ старушка.

ЕКАТЕРИНА (*выходя вмѣстѣ съ Перекусихиной изъ боковой двери. Екатерина впереди, Перекусихина за ней*).

Ты, Марья Савишна, замѣшкалась сегодня.
Звонила я тебя вѣдь ровно въ 6-ть часовъ;
Теперь, смотри, 7-мъ скоро уже будетъ.

ПЕРЕКУСИХИНА (*почтительно-фамиллярно*).

Впрямь, Государыня, замѣшкалась. Прости!
Какъ заглянула въ спаленку, а ты
Започивать изволила такъ сладко,
Что мнѣ будить тебя совсѣмъ не захотѣлось,
Пусть, думаю, попѣжится немного;
Не волкъ работа, — въ лѣсъ не убѣжить;
Поль-часика, куда ни шло, немного,
А нынѣ дни весенніе: такъ сладко
Весною дремлется и спится такъ легко!

ЕКАТЕРИНА (*съ ласковой улыбкой*).

Охъ, съ удовольствіемъ еще бы подремала,
Да баловать себя мнѣ, Савишна, не слѣдъ:
Лишь только разъ поддайся этой лѣни,
И съ ней не справишься, пожалуй, никогда.
Не соблазняй меня валтѣся на постели!..
Коль и не можется, нужна тѣмъ паче бодрость;
Переломить болѣзнь необходимо,
Иначе расхвораешься совсѣмъ.
Что новаго ты слышала? Вчера
Мнѣ не пришлось сказать двухъ словъ съ тобою.
О чемъ болтають въ городѣ, скажи мнѣ?

ПЕРЕКУСИХИНА.

Одно и то-же, матушка, у всѣхъ
На языкѣ и на умѣ вертится.
Свѣтлѣйшаго пріѣздъ иныхъ заставилъ
Повѣсить голову, другіе все толкуютъ
О горькой участи наслѣдника престола.

(*Украдкою всматривается въ лицо Екатерины, одѣлавшейся
вдругъ серьезнымъ.*)

ЕКАТЕРИНА (*тихо*).

Пріѣздъ заставилъ голову повѣсить...
За что свѣтлѣйшаго такъ многіе не любятъ?
Кому онъ поперегъ дороги всталъ?

Въ Вольтерѣ видѣлъ чуть не полубога,
Когда предъ бюстомъ Фокса я молилась,
И Вашингтонъ казался мнѣ героемъ!
Теперь не то, они въ моихъ глазахъ
Являются мятежниками только.

(Встаетъ и съ гордо поднятой головой.)

Величіе Россіи—вотъ мечта,
Которая всю душу наполняетъ!
О, если Богъ мнѣ только жизни дастъ
И сохранить Потемкину здоровье:
На берегахъ цвѣтущаго Босфора
Восточную имперію воздвигну,
Славянъ отъ мукъ, отъ гнѣта я избавлю,
Права, свободу вѣры возвращу;
Возстановлю изъ пепла Византію,
Крестъ водружу надъ куполомъ Софіи,
Надѣну багряницу Константина
И мощною рукой оплотъ воздвигну бурѣ,
Которая собирается на западѣ гремятъ!

(Садится и, послѣ раздумья, озабоченно.)

Ты что-то говорила мнѣ о Павлѣ?

ПЕРЕКУСИХИНА.

Его жалѣютъ все и громко говорятъ,
Что ты напрасно сына обижаешь,
Что ужъ пора наслѣднику престола
Принять серьезное участіе въ дѣлахъ,
Что онъ тебѣ помощникъ вѣрный будетъ.

ЕКАТЕРИНА *(нахмуривъ брови, съ досадой.)*

Все это вздоръ, одни только химеры!
Какимъ помощникомъ мнѣ можетъ Павелъ быть?
Съ его характеромъ и взглядами на дѣло,
Онъ только можетъ тормазить его.
Къ тому-же ты пойми, могу-ли добровольно
Я власть съ нимъ раздѣлить, когда я твердо знаю,
Что только я, одна лишь я могу вести
Россію по пути величія и славы!

(Молчаніе.)

Ну, Марья Савишна, теперь оставь меня:
Дѣлами я займусь, докладъ начнется скоро;

(Показываетъ на бумаги.)

Все зависть, зависть мелкая ихъ мучить!
Что-жъ дѣлать! пусть его никто не любитъ,
Зато мы любимъ: Богъ да Я — Екатерина!
Его ждала давно я съ цетерпѣньемъ,
Свѣтлѣйшій нуженъ мнѣ. Охъ, очень, очень нуженъ!
Но и боюсь бранить, пожалуй, станеть....
Большіе споры будутъ между нами....
Отъ нѣкоторыхъ плановъ отказаться
Прійдется по-неволѣ, можетъ быть.

(Громко.)

О, что за умъ и что за голова!
Вотъ человѣкъ, какихъ немного въ мірѣ!
Иное дѣло всесторонне разглядишь,
Обдумаешь, рѣшишь, вотъ такъ и эдакъ надо....
Все ясно и яснѣй не можетъ быть!
А онъ прійдетъ — найдетъ сейчасъ ошибки,
И по-неволѣ соглашайся съ нимъ!

ПЕРЕКУСИХИНА.

О, золотая у свѣтлѣйшаго головка!..
Еще одну такую раньше я знавала,
Покойника Григорія Орлова.

ЕКАТЕРИНА (какъ будто въ раздумьи).

Да, правду говоришь, два эти человѣка
Судьбой мнѣ посланы. Безъ нихъ-бы я пропала.
Съ Орловымъ только молоды мы были
И потому во многомъ ошибались.
Теперь не то, года не тѣ пришли,
И вотъ свѣтлѣйшій врядъ-ли ошибется.

ПЕРЕКУСИХИНА.

Не спорю, можетъ быть, но матушка-Царица,
То было времячко и время золотое,
Кипѣла жизнь ключемъ и молодая кровь
Тебя на подвиги великіе звала.
Припомни, какъ съ Орловымъ ты
О благѣ человѣчества мечтала.
Теперь не то, и о народномъ благѣ
Ты рѣже все и рѣже говоришь.

ЕКАТЕРИНА (съ гордою улыбкой).

Была пора, когда мой пылкій умъ

А мнѣ вонъ сколько надо прочитать.
(*Перекусихина уходитъ въ ту же дверь, въ которую пришла.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-Е.

ЕКАТЕРИНА (*потомъ камердинеръ Зотовъ*).

Что удивительнаго въ томъ, что я,
Какъ государыня съ умомъ пытливымъ,
Весь міръ наполнившая славою побѣдъ,
Умѣвшая найти слугъ преданныхъ и смѣлыхъ,
Избрать помощниковъ талантливыхъ себѣ,—
Творить привыкла только свою волю?
И въ самомъ дѣлѣ, развѣ съ дѣтскихъ лѣтъ
Не чувствовала я, что родилась для трона?
О немъ мечтала, будучи ребенкомъ;
Въ дни тяжкихъ бѣдъ, въ дни горя, униженья,
Въ безсонныя, томительныя ночи
О власти были всѣ мои мечты.
Достигла я ея, достигла этой власти,
Рискуя всѣмъ, и выпустить изъ рукъ
Не въ силахъ я! Власть—вотъ моя стихія,
Осуществленье идеала, жизнь; власть—все!
И для меня, отъ власти отказаться—равносильно
Желанью перестать существовать!

(*Звонитъ. Входитъ камердинеръ императрицы, Зотовъ.*)

Что, Александръ Васильевичъ съ бумагами пришелъ?

ЗОТОВЪ.

Изволятъ дожидаться.

ЕКАТЕРИНА (*продолжая писать*).

Проси его!

(*Зотовъ отворяетъ дверь, и входитъ Храповицкій съ бумагами.*)

Садись сюда поближе!

(*Взглядываетъ на Храповицкаго и улыбается.*)

Да что ты раскраснѣлся, словно ракъ,

Какъ будто-бы изъ бани только вышелъ?

ХРАПОВИЦКІЙ (*вытирая вспотѣвшее лицо цветнымъ флу-
ляровымъ платкомъ*).

Сегодня жарко очень, я спѣшилъ

Съ докладами, бояся опоздать.

(*Подаетъ бумаги.*)

ЕКАТЕРИНА (*просматриваетъ поданныя ей бумаги*).

Страницы
утрачены